

Евгений Черносвитов

**ОЗОРНЫЕ ЗАПИСКИ
ИЗ МЁРТВОГО ВЕКА**

Книга 2

Евгений Черносвитов

**Озорные записки из
мертвого века. Книга 2**

«Издательские решения»

Черносвитов Е.

Озорные записки из мертвого века. Книга 2 / Е. Черносвитов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932789-5

Книга написана врачом, судебно-медицинским экспертом и философом. Все истории, рассказанные в ней почти документальны. Некоторые истории вошли в фонд энциклопедий по судебной медицине, криминалистики и пенитенциарной социологии. При этом все рассказы от первого лица отвечают требованиям хорошего литературного повествования и рассчитаны на широко читателя.

ISBN 978-5-44-932789-5

© Черносвитов Е.
© Издательские решения

Содержание

Озорные записки психиатра	6
Кровь молодого солдата и кустотерапия	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Озорные записки из мертвого века

Книга 2

Евгений Черносвитов

Редактор Екатерина Александровна Самойлова

Дизайнер обложки Екатерина Александровна Самойлова

Иллюстратор Оксана Альфредовна Яблокова

© Евгений Черносвитов, 2018

© Екатерина Александровна Самойлова, дизайн обложки, 2018

© Оксана Альфредовна Яблокова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-2789-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Марине – музе этой книги...

Озорные записки психиатра

...Когда я пишу это, двери и стены психиатрических больниц рухнули, как берлинская стена. Субъективная реальность смешалась с виртуальной реальностью и объективным миром. Трансцендентальность заменена трансгендерностью. Homo Sapiens превратился в Человека Сети (Man from the Web), фрика...

...Сегодня, в мое ночное дежурство в ПБ Золино, «Мрачный» беспокоен. Этот, пятидесятилетний больной, страдающий параноидной шизофренией, последние 35 лет провел в двух ПБ: в Московской областной клинической психиатрической больнице (где все «управление» всеми ПБ Московской области, во главе с главным психиатром МО), что на улице «8 марта» в Москве и в ПБ деревни «Золино» (бывшее имение графа Дубровского, увековеченного А. С. Пушкиным). Золино – удивительная древня. Она находится в 4 км. от Ленинградского шоссе в глубь лесов, искусственных водоемов и подлатанного в советское время имения, обогащенного «финскими домиками» для медперсонала. У каждого деревенского дома яблоневый сад. В мае, когда яблони цветут, вид деревни неопишуемой и запах – умопомрачительный. В августе, когда сбор урожая, в каждом доме яблоками, уложенными на зиму в опилки в деревянных ящиках, заполнен двор (потом ящики спускают в специальные подвалы на хранение). В августе от одного запаха разных сортов яблок (до 25 сортов!), пока идешь в ПБ, становишься и пьян, и сыт. А еще запах спелых яблок чрезвычайно стимулирует мужское и женское либидо: в Золино рождаются к цветению яблок! Таков круговорот золинских «вещей» в Природе!

...В лесах, которые раньше были парками аристократов, масса белых грибов и красноголовиков. Живописная охота на рябчиков, куропаток и глухарей. А на прудах – на уток и гусей.

...Я проработал в ПБ Золино все четыре сезона. Всегда, в любую погоду, шел пешком от Ленинградского шоссе. И смело утверждаю, что не было двух похожих дней ни в какой из сезонов! Да, когда с моим коллегой и другом, секретарем партийной организации больницы, красавцем – типаж картинный образ русского офицера времен войны «Алой и Белой роз» в России. В.Г. – был гомосексуалистом, а его все пытались женить на дочерях Клинская элита...

...Так вот, «Мрачный» быстрыми короткими перебежками носился по отделению (он и в возбуждении был совершенно безопасен и абсолютно не агрессивен), разговаривая со своим внутренним собеседником полупшепотом. Но, при этом, абсолютно лишенный каких-либо жестов и какой-либо мимики. В отношении психически больных говорят, что они бывают контактны и никогда не доступны. А во время психомоторного беспокойства – и не доступны, и не контактны. «Мрачный» был сегодня не контактен. В отделении и больные, и санитарки (в ПБ Золино не было санитаров, только санитарки, лет от 60-ти) к его беспокойствам привыкли, и никто на него не обращал никакого внимания. Часа два не меньше, он бегал по отделению. Мы (я – дежурный психиатр, дежурная медицинская сестра Таня и дежурная санитарка, ее мама, Дарья Петровна – две чрезвычайно добрые и полные милые дамы) сели ужинать. Мы никогда не ужинали одни. Дверь в ординаторскую была всегда открыта, и только стол накрывался съестным (солеными грибочками, домашними пирогами, морсами из дикой земляники и брусники), как к нам заходил Коля (хронический шизофреник – о нем речь особенная) и молча садился на приготовленную для него табуретку. Он, как правило, никогда ничего не ел. Но всегда на ужине присутствовал от начала, до конца. Когда ужин заканчивался, Коля вставал, говорил: «*Спасибо!*», и уходил в свою палату, ложился на свою койку. Психоз у него давно закончился и в ПБ он просто пребывал без всякого лечения...

...Мрачный часто бегал, возле дверей ординаторской, но нам никогда не мешал своим маяченьем и бормотанием. И вот, сегодня, ни с того, ни с чего, он нарушил свой «ритуал» общения с внутренним собеседником и, когда ужин был в разгаре, вбежал в ординаторскую. Подбежал к Коле, сидевшем на табуретке – Коля быстро соскочил, освободив «Мрачному»

место. Тот сел на табуретку, и подняв на меня выцветшие, почти белые, глаза, вдруг, приподняв правую руку, вычурно, кисть, как держит кошка лапу, готовая вонзить свои когти в жертву или соперника, отчетливо произнес: *«Вот ты (это я) тоже все спешишь, спешишь... Куда, спешишь? К смерти своей спешишь, с первого своего шага младенца!»* Сказав это, встал и убежал из ординаторской, начав обычное бормотание...

...Я уже было собрался идти спать, сожалея, что моя полюбовница, врач СП, Лена, не смогла выкроить время и приехать ко мне в «Финский домик» (мой собственный для дежурств. Но, только мой – подробнее ниже). Толя (шизофреник, совершивший страшное убийство и отсидевший два года в Спец ПБ, потом переведенный к нам, в Золино) успел отнести в мой Финский домик два ведра – горячей и холодной воды для водных процедур. И вдруг, когда я был у двери, чтобы выйти в парк и направиться в опочивальню, появляется быстро «Мрачный» и протягивает мне картон (А-4), на котором цветными карандашами (и где он их только взял!) было нарисовано вот это:

Я спросил у «Мрачного», что это значит? Он поднял на меня глаза – в них было презрение (я понял, презрение из-за моего скудоумия, что не понял очевидного!)

P.S. Это первый и последний рисунок «Мрачного».

Кровь молодого солдата и кустотерапия

...Великий советский психотерапевт, мой учитель и друг, Владимир Евгеньевич Рожнов в знак благодарности, что я всегда на отлично готовил алкоголиков, которые лечились в ПБ МО Покровское-Шереметьево к его приезду с курсантами, в том числе, как правило, из Франции, кафедры психотерапии ЦОИУ врачей, помог мне открыть второе в СССР (первое открыл некто Иванов, тоже еврей, в ПБ г. Горького) отделение сексопатологии (подробности читай ниже). И вот я – заведующий отделения сексопатологии, вернее, двух отделений – мужского и женского. Иду утром на обход, прохожу между рядами больных – справа – мужчины-импотенты, слева – женщины фригидные. Все – не старше 40 лет, в основном, совсем молодые – до 25 лет, смотрят на меня сорока парами глаз с надеждой, смущением и легким испугом. Здесь я расскажу только о некоторых пациентах, запомнившихся мне на всю жизнь, с которыми я, можно сказать, подружился. И о *сексуальной карусели*, на которой я оказался из-за дружеского, слишком дружеского отношения ко мне моего пациента. О нем, и о «карусели» – в последнюю очередь.

...Пациент первый – 30-ти летний мужчина, блондин (это здесь важно!), работает инженером-электронщиком в «ящике». Поступил с проблемами половых расстройств – *эякуляцию прехокс* (преждевременное семяизвержение, как правило, еще тогда, когда женщина только начинает снимать трусики), и, смело говоря, полной импотенции! Короткое отступление. Есть *бред ревности*, есть *бред супружеской неверности*, есть *бред подозрения в супружеской неверности*. Эти синдромы хорошо описаны еще классиками психиатрии в XIX веке и многими их последователями, известными психиатрами. Но вот *бред половой несостоятельности*, то бишь, *бред импотенции* – никем не описан! Моего пациента звали Миша. Он был контактен, и только опытный психиатр мог определить, что при такой контактности – *раскрывая душу* – Миша остается недоступным. Структуру его бреда можно вычислить, но, вот содержание, алогично, из-за недоступности остается скрытым! Сами подумайте, какая связь между импотенцией и тем, что «*волосы секутся*»? Миша замучил всех столичных парикмахеров и врачей-трихологов. Парикмахеры его не удовлетворяли, что никак не могли подобрать ему прическу, скрывающую его «*сечение волос*». А – трихологи не могли его «вылечить», ибо лечить было нечего. У Миши были густые, жесткие волосы, сохранявшиеся не смотря на все жестокие манипуляции с ними. Избавлю читателя от подробностей надругательства над собой. Сокровенная мечта Миши была, чтобы трахнуть без проблем и получить удовлетворение: «*Мавр сделал свое дело, мавр может уходить*». Это (о своем члене) он выражался, как ошибочно думал, словами венецианского мавра Шекспира Отелло. На самом деле это слова мавра из «Заговора Фиеско в Генуе» Шиллера – «*Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan, der Mohr kann gehen*». Какая вообще-то разница! Все равно сходство итальянского мавра с половым членом – логика вычурная, то есть, шизофреническая (как и «*секутся волосы*»). Я быстро разобрался в диагнозе Миши, поставив ему, наконец, шизофрению. Консилиум врачей, во главе с доцентом кафедры Владимира Евгеньевича Рожнова, с тонким знатоком душ человеческих и отличным психиатром, Марком Евгеньевичем Бурно, мой диагноз, выставленный Мише впервые подтвердил («*Они – твои, Женя, дети, Рожнов и Бурно!*») – шутил мой второй учитель с кафедры психотерапии, большой друг семьи моей, ветеран ВОВ и психиатрии, Виктор Яковлевич Деглин – читай в Википедии о нем и у меня ниже). Я лечил Мишу трифтазином с переменным успехом. В конце концов, по катамнезу, он «развалился» и стал слабоумным (приобрел вторую группу инвалидности, но волосы у него по-прежнему «*секлись*»).

...Второй, запавший в мою память пациент из второго в СССР отделения сексопатологии, был сорокалетний мужчина, ректор одного из московских ВУЗов, профессор. Назовем его, нет, не Гантенбайном, Павлом Алексеевичем. Он заболел раком прямой кишки. Перенес травмиру-

ющую операцию с удалением кишки и выведением конца части сигмовидной кишки на живот, ниже пупка. Так называемый ANUS PRAETER NATURALIS (протвиеоеественный задний проход) – создается путем пересечения толстой кишки с вшиванием только приводящего или обоих ее концов в рану брюшной стенки. Павел Алексеевич постоянно носил калоприемник, прикрепленный на животе. Жена от него ушла. Но он, недолго думая, завел себе любовницу – двадцатилетнюю длинноногую Иру, бывшую его секретаршу. Павел Алексеевич лег с Ирой в мое отделение по причине, что после операции у него резко снизилась потенция (sic!). Мне нравилась его мужество, он всегда, казалось, был в отличном настроении, и держался с выправкой английского лорда. Мы подружились из-за моего любопытства: мне были интересны его подлинные переживания, а также своеобразный садизм в отношении Иры – они и сношались с калоприемником на животе Павла Алексеевича. Психология Ирины меня не интересовал. Ирина позвонила мне через год и сообщила, что Павел Алексеевич умер и оставил мне свой дневник. Когда я встретился с Ириной, чтобы забрать дневник, мне казалось, что от нее пахнет калом (от Павла Алексеевича так никогда не пахло!).

Третий пациент мой был известный, восходящая звезда, поэт. Его перевели ко мне из острого отделения нашей ПБ, куда его доставила милиция в наручниках по причине буйного поведения. В остром отделении приступ купировали, и ко мне перевели «на долечивание» (настолько он был знатен). Звали его Боря.

Он, казалось, синтонен (*синтонность* – греч. *syntonia* со звучность, согласованность)! То есть, и контактен, и доступен. Но я жестоко ошибся и чуть за это не поплатился (его некоторые стихи я процитирую ниже, де представлю мысли и их выражение своих пациентов). Вот как я расплатился за ошибку.

...Поговорив с ним с полчаса, и почувствовав к нему симпатию и расположение, я взял его на сеансы психотерапии, которые проводил в огромном зале (но с кроватями) для своих импотентов и фригидных дам. Только начал погружать пациентов в гипнотическое состояние, прохаживаясь между койками, взглянул на Борю и... потерял самоконтроль! До сих пор не могу понять, что тогда произошло, что стоило б мне репутации и самоуважения, как специалисту-психиатру! Подойдя к Боре, я взглянул на него, и чуть было не расхохотался! Из-за его умиленной гримасы, он молча, как бы говорил мне – «*Вот лохи, твои пациенты! Верят, что ты их гипнотизируешь. На самом деле ты вешаешь им лапшу на уши... Но мы то с тобой понимаем, что к чему!*» Он так доверительно на меня смотрел при этой гримасе, что я почувствовал, что попал в его расположение ко мне, как муха на клейкую ленту! Огромным усилием воли мне удалось справиться с собой, но не вырваться из влияния (молчаливого!) на меня Бори! Я ушел от его койки и больше к нему не подходил, с трудом проводя сеанс, глотая наплывы смеха, как комки неудержимой рвоты! В своей практике психиатра я еще один раз попал под индукцию шизофреника – в ПБ Золино, инженера стекольного завода, находящегося в состоянии *продромы* – (продромальный период – греч. «бегущий впереди»), предвестник – период заболевания, который протекает между инкубационным периодом и собственно болезнью – острого чувственного бреда параноидной шизофрении – (читай ниже). Такая индукция где-то сродни синдрому Кандинского-Клерамбо (смотри в Википедии). Ужасное субъективное состояние, скажу вам! После сеанса я вызвал санитаров и отправил Борю обратно в острое отделение. Когда он вновь вернулся в мое отделение, без всякой на меня обиды, хотя лечили его инъекциями в четыре точки (под лопатки и в ягодичы) раствора серы в оливковом или персиковом масле, болезненными ужасно, вызывающими температуру до 40 (жароболовой шок), мы вновь с ним, как с «вполне нормальном» человеке разговаривали о поэзии на веранде, попивая чай с печеньем. Только я стал попадать вновь под его «шарм», как мимо пролетала огромная зеленая муха (мое отделение было недалеко от больничной кухни). Миша ловко, одним молниеносным движением головы, поймал муху ртом и проглотил... Вот тогда я понял, что он – шизофреник, а я его просто психологизирую, и попадаю, в состоянии *эмпатии* под его

неосознаваемую им самим, индукцию. Я, вообще то знал, что я – эмпат. Для психиатра это огромный недостаток (ниже сообщу, как Владимир Евгеньевич Рожнов спас мне жизнь, которой я чуть не лишился из-а своей эмпатии; но полностью от нее я избавиться не мог, и творил в психиатрии, порой, чудеса! Кстати, Рожновское «островки здоровья» и «психоортопедия» – читай ниже, это осмысление моего психотерапевтического опыта работы с шизофрениками – пациентами клинических отделений ПБ «Покровское-Стрешнево», в Москве).

...Анализируя стихи Бори, я сейчас ясно вижу, что они написаны шизофреником с вычурными и блеклыми образами. Но, это отнюдь не помеха для тогдашних эстрадных певцов исполнять их в своих вокальных номерах... Многие «песни» на слова Бори, поют и сейчас современные певцы (не буду называть имен!)

...Четвертый мой пациент – вот с него началась моя сексуальная карусель, и я до сих пор не разобрался – то, что я попал в любовный водоворот, который и сейчас действует – дело его рук, или он только случайный компонент всего этого? Кстати, он «подарил» мне и одного лучшего моего друга, своего сына, нелепо и трагически погибшего в расцвете сил! Да еще каких!!!

...Сергей, так он просил себя называть, потомок чрезвычайно знаменитой московской фамилии, гильдии купцов. Его предки – немцы, эмигрировали в Россию, конкретно – в Москву при Петре Первом. Они настроили в Москве несколько десятков, за время своего жительство, особняков, дворцов, а также ресторанов, магазинов, цирков, театров, бань и еще, много чего, что сохранилось и до дней, когда я это пишу. И, тем не менее, если не считать двух магазинов и столько же бань, фамилия моего пациента, назвавшегося Сергеем, известна только истинным знатокам Москвы и потомственным москвичам. Даже Владимир Алексеевич Гиляровский, бытописатель Москвы, не нал, что удивительно, фамилии рода-клана, потомком которого был мой «пациент», назвавшийся Сергеем. Как только он был принят в отделение сексуальной патологии, тотчас же постучался в дверь моего кабинета... Поставив без слов на стол бутылку французского коньяка «Камю», он, на предложение мое сесть и сказать, какие у него проблемы?, деликатно присел на стул – не краешек, как садились другие пациенты, и хорошо и удобно, и сразу сказал: *«Доктор! Я не больной. Тем более у меня нет никаких сексуальных расстройств. Я лег в больницу „по благу“, чтобы здесь, в лесах и прудах, так знакомых мне и моим предкам, провести свой очередной отпуск... с очередной моей примадонной. Она тоже оформлена в Ваше отделение и как я – абсолютно здорова. Да и какие болезни могут быть у олимпийской чемпионки по фигурному катанию в 18 не полных лет?.. Дело в том, что я, пардон за нескромность, крупный советский ученый и администратор „ящика“, „не выездной“, большие того, даже в отпуск не должен далеко отделяться от моего учреждения. Да и отпуск у меня, если хорошо, бывает раз в два-три года: такое сейчас время, что я и мое учреждение, работаем и днем, и ночью...»* Я был заинтригован и заинтересован! И, даже, если б мой «пациент» не сказал бы мне ни единого слова, я все равно был бы заинтересован человеком, который, ну совсем не был похож не только на пациентов ПБ, но и на простых советских граждан! Представьте щеголя в белом костюме, в темно синей, в черный крупный горошек, шелковой рубашке, из ворота которой выступает пучок густых, черных, выющихся волос! Это не первое, что привлекло мое внимание и возбудило любопытство в моем «пациенте»! Не буду детально описывать эксклюзивную внешность Сергея. Только скажу, что она, внешность, – самое характерное во внешности итальянского мафиози, испанского кабальеро времен Мигель де Сервантес Сааведра и Уильям Кларка Гейбла, короля Голливуда. И ничего от немецкого барона!

...Во время нашего разговора Сергей, чувствуя некоторое снижение моего интереса к его персоне (что было в действительности, как я только понял, что меня в нем привлекает, интерес стал терять напряжения, переходя в банальное любопытств), попроси разрешения пригласить ко мне его «примадонну»: *«Разрешите позвонить!»* Я разрешил, и предложил ему телефон. Сергей улыбнулся и вынул из кармана небольшую коробочку, чуть больше спичечной из чер-

ного эбонита, показал мне глазами, что это, отнюдь, не чудо, и нажал на одну из белых кнопочек на коробочке. Я услышал отчетливый милый женский голос: «Да, Сережа...». Я сообразил, что это – беспроводная связь, типа рации – но какой для этого должен быть и где коммутатор? Сделал вид, что не удивился, и не попросил дать поддержать, несмотря на то, что поддержать такую красивую волшебную коробочку в руках очень хотелось! По выражению лица Сергея понял, что он оценил мое самообладание! И тут в открытых дверях моего кабинета (наконец, скажу, что это было лето 1974 года) появилась она, модель из польского журнала мод, в приложении к «Польше» на русском языке, который я выписывал (тоже по блату): дородная красивая славянка, светло русая и сероглазая, длинноногая и полногрудая, с влажным губами, для сладкого поцелуя! Ее звали, примадонну Сергея (ему было 45 лет, ей 18), Ирена, и она на самом деле была советская полька.

...Так я познакомился со своими новыми «пациентами», Сергеем и Иреной, которых второй раз увидел только при выписке через 20 дней. Они не обитали в отделении – снимали флигель финского домика, который сдавал для подобных Сергею, «блатных», завхоз больницы – могущественная личность в ПБ – Армен Амбарцумян (единственный армянин из моих знакомых, с кем я так и не подружился).

...Несколько слов о кинической психиатрической больнице Покровское-Шереметьево и о ее главном враче, легендарном психотерапевте-йогуне, живущем и действующем по принципам Бхагавад-Гиты, изложенным в главе 6. «Дхьяна-йога»

*«Шри-Бхагаван увача
анашритах Карма-пхалам
карйам карма кароти йах
са санньаси ча Йоги ча
на нирагнир на чакрийах»*

(...шри-бхагаван увача – Создатель сказал; анашритах – тот, кто не ищет прибежища; карма-пхалам – в плодах своего труда; карйам – тот, который следует делать; карма – труд; кароти – выполняет; йах – который; сах – он; санньаси – живущий в отречении от мира; ча – также; йоги – Йог; ча – также; на – не; них – без; агних – огня; на – ни; ча – также; акрийах – не исполняющий свой долг).

...Главный врач (я его не застал) Вильмир Семенович Чугунов – был личностью легендарной... для советской элиты (Родился в Воронеже, умер в Москве).

...Психиатр, психотерапевт, организатор здравоохранения, доктор медицинских наук (1988), профессор (1995). В 1954 окончил Куйбышевский медицинский институт. В 1971—74 – главный врач психоневрологической больницы Покровское-Шереметьево (Московской области). В 1974—98 – главный врач Московской клинической психиатрической больницы №8 имени Соловьева. В 1975 году, по его инициативе больница реорганизована в специализированную клинику неврозов (с этого времени специализируется на лечении пограничных форм психических расстройств) – Жил на Донской ул., 5/7. Похоронен на Донском кладбище.

...Вильмир Семенович:

- 1) Знал, что советской («подпольной») элите нужно и давал ей это.
- 2) Дружил со всеми заведующими кафедрами психиатрии ВУЗов Москвы и Ленинграда – его больницы были клиническими.
- 3) Говорил только шёпотом, даже с женой.
- 4) Дышал поочередно одной ноздрей: утром – левой, после полудня – правой.
- 5) Практиковал и лично, и в отделениях возглавляемых им больниц, йогу.

...Сексуальная карусель началась с Ирены. Сегодня Сергей и Ирена выписались – Сергей подарил мне бабину на 500 метров, тогдашних зарубежных хитов и дал адрес того, кто эту

бабину для меня написал – своего сына Андрея, студента Института электронного машиностроения, моего незабвенного друга. А завтра, к вечеру, ко мне явилась на собственной белой «Волге»... Ирена. Она ночевала у меня, в моем, втором по величине финском домике с огромной верандой (подробности ниже), после дома Вильмира, который занимал новый главный врач – тоже живописная личность и легенда для всего Рузского района и для психиатрического мира Подмосковья – Анатолий Сыров (жена у него была его заместителем по лечебной части, голубоглазая типичная эстонка – Юта Хэновна – моя серьезная по тому времени, любовь).

...Утром я проводил Ирену домой и пошел на работу, слегка утомленный бессонной ночью. А к вечеру, ко мне приехала, и тоже на своей белой «Волге»... жена Сергея, и мать моего будущего друга, Андрея, 38-летняя жгучая брюнетка в соку, и тоже Ирина... Как и Сергей, я таких видел только на экранах зарубежных фильмов, преимущественно итальянских. Ну, что-то среднее, между Софи Лорен и Клаудио Кардинале. Она захватила с собой виски и шампанское «Вдова Клико» и много-много всяких деликатесов, типа маринованной спаржи и крабов «Снатка» (правильнее *Chatka*: «*Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы!*») Но, в начале 80-х эти крабы и в Николаевске-на-Амуре были уже деликатесом, а, когда жив был Сталин, даже в Булгинском Охотского района сельмаге, ими была заставлена большая часть витрины; меньшая часть витрины была заставлена разными баночками черной икры – красную икр в сельмаг не привозили по причине, что у каждого жителя Булгино, она стояла в десяти вёдерных бочках – свиньям ее скармливали, чтобы опорожнить бочку для свежей икры). Ирина работала заведующей зарубежным отделом Министерства Здравоохранения РСФСР. Мы с ней напились шампанского, Ирина сделала мне великолепный итальянский (венецианский) минет, а заниматься сексом мы, почему-то, побежали в заросшее камышом и березняком, болото, что было в километре от территории больницы. Мы были очень пьяны, ибо занимались любовь прямо в болотной жиже, под аккомпанемент кваканья лягушек... Когда стало светать, вернулись домой, ополоснулись, всю одежду (вместе с французскими трусиками *Maison Close – Amour et soutien-gorge – любовь и лифчик*) Ирина бросила в камин и переделалась в элегантный спортивный костюм зарубежного пошива. Села в «Волгу» чмокнула меня в покусанные ею губы, схватила нежно, но крепко за член, сказав: «*О, это то, что надо!*», – И умчалась. Через неделю, она без предупреждения нагрязнула в больницу с «проверкой от МЗ РСФСР», в сопровождении двух министерских дам – своих заместителей. Дам отправила «проверить», а меня из моего кабинета сразу пыталась утащить в болото (показывая на шикарную сумку, с напитками горячительными и вкуснятиной, как я понял). Но, предшествующую ночь я провел в горячих объятьях холодной эстонки Юты Хэновны и не имел никакого желания лезть с Ириной в болото. Я ей отказал деликатно. Но она ужасно обиделась и больше я ее не видел, только один раз. Только один раз через пять лет, разговаривал с ней по телефону – она сообщила, что останки ее сына, моего друга, нашли в подводном заграждении реки Цна, у Вышневолоцкого водохранилища, в 119 км к северо-западу от Твери (о его смерти читай ниже).

...Третьей была жена Андрея, Наташа, ровно через год, после его гибели. Я был влюблен в Наташу все годы – шесть лет. Но и в мыслях не держал, что эта Вологодская красавица, высокая, со стройной фигурой и сильными телом и характером, может когда-нибудь стать моей! О гибели Андрея я неоднократно писал и в рассказах – в сборнике «*Il n'y a que les sots et les betes de malheureux...*» («В этом мире несчастливы...»), и романе «Сага о Белом Свете». Здесь, вкратце.

...Они с Наташей на байдарке (вместе с друзьями тоже на байдарках) преодолевали знаменитые Пороги в районе Вышнего Волочка. Знаменитые – со времен Петра Первого, который не стал их на своих судах преодолевать, а тащил суда волоком. Байдарке перевернулась. Наташа с Андреем выплыли и забрались на страховочный плот из катамаранов. Загоревшие, упоенные борьбой со стихией, едва расположившись на плоту, как увидели, что их байдарка всплыла кверху дном и несется на рифы. Андрей, сказав Наташе «*Я сейчас!*» – прыгнул в воду и настиг

свою байдарку. Он схватил рукой ее канат. На глазах Наташи, улыбаясь, торжествуя, он начал наматывать канат на руку, чтобы байдарку не вырвало и не унесло. Намотав, и проплыв с байдаркой между двумя рифами, он попал в водоворот, в котором байдарку начало крутить, как пропеллер. Омут закрутил Андрея вместе с байдаркой под воду. И все это – на глазах Наташи!

...Водолазы не нашли Андрея на спокойной воде. А его с байдаркой, канат которой был намотан на правую руку Андрея, унесло к водохранилищу. Там, благодаря байдарке, он застрял в металлической решетке, защищающей под водой Вышневолоцкое водохранилище от плавучих, которых предостаточно в реках, впадающих в него. Останки Андрея нашли ровно через год, когда чистили решетку водолазы...

...Тогда Ирине, дочери Андрея и Наташи было два года...

...У Наташи появилась подруга из преподавательниц Института электронного машиностроения, который, уже, будучи женой Андрея, Наташа окончила с красным дипломом. Подруга была пьющей и наркотизирующейся лесбиянкой. «Подобрав» Наташу, она ловко подчинила ее себе. Наташа стала выпивать, принимать наркотики и вступила в половую связь со своей «училкой». Наташа сама позвонила мне и со слезами в голосе просила ее «спасти». Я начал встречаться с Наташей, выгнав «училку». Несколько месяцев после гибели Андрея (внешне Андрей был очень похож на Ален Делона, только еще мужественнее, с более выраженными мужскими чертами в облике) наши отношения были чистыми, платоническими. Мы даже не целовались при встрече и расставании. И, что интересно, мое либидо к Наташе, которое я подавлял при жизни Андрея (они оба знали, что я влюблен в Наташу и посмеивались открыто надо мной) в это время молчало.

...Мы вместе отмечали год со дня гибели Андрея. Потом вскоре начали жить половой жизнью: память об Андрее только усиливала наши взаимные чувства. Как-то, провожая меня домой рано утром, Наташа, положив мне руки на плечи и глядя в глаза, спокойно и твердо сказала: «Я больше тебя не отпущу... У меня – твой дом!» И это явилось началом конца наших взаимоотношений с Наташей: она не хотела быть моей любовницей, я не собирался на ней жениться! Мы перестали не только встречаться, но и даже созваниваться по телефону.

...Прошло ровно 16 лет. Совсем неожиданно мне позвонила дочь Наташи и Сергея, Ирина. Она сказала, что хорошо помнит меня и хочет со мной встретиться. Я спросил о Наташе, Ирина сказала, что у нее все хорошо, она замужем, и живет у мужа. Ирина живет одна и постоянно общается с бабушкой и дедушкой. Я встретился с Ириной и был просто шокирован ее сходством с бабушкой, Ириной! Только она была еще краше, ибо была юна! Ирина сказала, что все эти годы думала обо мне и мечтала о нашей встрече, как только она вырастит. Нет, она не была романтичной в отношении и меня и вообще, по складу характера (в роду Сергея, видимо, романтиков не было, как и в роду его жены, Ирины). Тем не менее, наши отношения были полны романтики с обеих сторон: у Ирины я был первый мужчина, который открыл ей мир, полный эротики. Она мне вернула молодость. Но, она тоже, как и мама, хотела, чтобы я стал ее мужем. И это нас развело. Мы общались где-то полгода.

...Прошли годы, и вот недавно, вовремя оное, когда я пишу эти записки, мне позвонила дочь Ирины, правнучка Сергея и Ирины. Зовут ее Наташа и первое, что она сказала мне, что все годы думала обо мне и мечтала о нашей встрече. Ей 18 лет...

P.S. А теперь нужно сказать о «крови молодого солдата» и о «кустотерапии».

1. Импотентам в качестве психотерапии, действительно каждый день делали внутривенную инъекцию крови. Говорили, что это «кровь молодого солдата», богатая мужскими половыми гормонами. Кто инициатор такой психотерапии – я не знаю и гадать не буду.

2. Я поощрял прогулки моих пациентов после отбоя в кустарник, где мягкая травка. Зачем они туда ходили парами, дело понятное!

3. Летом, в период отпусков, по традиции, установленной Вильмиром Семеновичем Чугуновым, в ПБ Покровское-Шереметьево отдыхали, подрабатывая, или подрабатывали,

отдыхая профессора кафедр психиатрии ВУЗов и Института психиатрии Минздрава РСФСР. Так я познакомился с удивительной женщиной, профессором Института психиатрии НДД. Она устроилась на отпуск «консультантом», но с первого рабочего дня занималась совсем иным ремеслом. Не удивляйся, читатель: профессор психиатрии делала массажи предстательной железы пациентам из моего отделения сексуальной патологии. 25 р. два сеанса! И к ней была очередь, в основном, мужчин до 30 лет. Я впервые ее увидел в кабинете, который ей выделил главврач Анатолий Сыров в интересной ситуации. НДД сидела на табуретке, а перед ней с голой задницей, «раком» стоял пациент. Ее указательный палец был глубоко погружен в его прямую кишку и плавно шевелился. Конечно же рука была в перчатке. НДД ничуть не смущаясь, быстро и толково объяснила мне, что это занятие – массаж простаты, куда прибыльнее консультаций профессора психиатрии! За все пребывание в отпуске, НДД пропустила в своем кабинете (в который всегда была очередь из молодых мужчин моего отделения, ибо она принять могла в день не больше трех человек – просто не переутомлялась, ибо любила бродить по лесу и собирать белые грибы, которые росли недалеко от наших финских домиков в березняке и ельнике).

Так вот, НДД быстро открыла мне глаза на моих пациентов-импотентов, которые прошли курс «лечения» у нее: по ее убеждению все они были скрытые гомосексуалисты-педерасты! К ней на прием приходил и заведующий отделением нашей больницы, женатый, имеющий двоих детей... И, ее диагноз неожиданно подтвердился для меня. Как-то я без предупреждения вошел в его кабинет и обомлел: он сосал мужской половой член, попыхивая! Нет, конечно, не натуральный половой член, а искусно сделанную курительную трубку, в «яйцах» которой дымился табак.

...НДД раскрыла мне глаза и на молодую мою коллегу, врача-терапевта, с которой я совершил чудо (читай следующую запись), красавицу-армянку. Она не только была неприступна, она отталкивала мужчин от себя на расстояние, словно находилась под невидимым колпаком Константина Сергеевича Станиславского (Читай: К.С.Станиславский. «Работа актера над собой в творческом процессе переживания»). НДД открыла мне глаза на Карину Закарян – она была лесбиянкой. Вскоре я нашел подтверждение (читай ниже – Действительно ли кенгуру обитают только в Австралии?). Любовниц она легко находила среди моих пациенток отделения сексопатологии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.